

Улыбка на лице матери постепенно угасла. Она потянула меня за руку к себе. Я вначале слегка сопротивлялась, но когда её хватка усилилась, прильнула к ней. Матушка усадила меня к себе на колени и долго, внимательно разглядывала, прежде чем наконец произнести:

— Это искренние слова Сыцзы?

Я отвернулась и тихо молвила:

— Такие слова, матушка, ранят душу.

— Это твои слова, Сыцзы, ранят матушкину душу, — резко возразила она. Мать встряхнула меня за плечи, заставив повернуться к ней, и, глядя прямо в глаза, спросила:

— Сыцзы, спрашиваю тебя ещё раз: то, что ты сейчас сказала, — правда?

Её взгляд был пронзительным, и в нём, даже без гнева, чувствовалась властная сила. Я выдержала его недолго, на переносице выступила лёгкая испарина. Опустив голову, я несколько раз пыталась начать, прежде чем выдавить:

— Ну и что с того, если я запомню все эти титулы и родовые имена? Матушка столько лет прилагала усилия, достигла положения Тяньхоу, но стоит столкнуться с вопросом династического брака — и приходится угрожать отречением! Тётушки Цинхэ и Синьянь тоже не разбираются в государственных делах, однако до сих пор купаются в роскоши и бесчинствуют в столице!

Изумление в глазах матери постепенно сменило былую суровость. Она вдруг усмехнулась:

— Неужели Сыцзы всерьёз полагает, что я сегодня отрекусь от престола и увезу тебя с Люланом в глушь?

Я нарочито ответила:

— Матушка сама говорила об этом, разве не так?

Мать с улыбкой покачала головой, словно хотела что-то сказать, но промолчала, лишь обняла меня и вздохнула:

— Сыцзы, ты всё ещё слишком мала... — Она похлопала меня по спине и тихо добавила:

— Сегодня ты не пошла на занятия к Ванъэр, так что позволь матушке самой тебе кое-что объяснить. Запомни: нынешний мир зиждется на ритуалах и сыновней почтительности. От Сына Неба до простолюдина — никто не избежит принципа «именам — правильность, делам — порядок».

Я прижалась к её плечу, закрыла глаза и, хорошенько обдумав, наконец произнесла:

— Значит, старший брат, как наследный принц, будучи главным сыном законной супруги, впоследствии станет императором — это и есть самое правильное и законное?

Я специально сделала особый упор на слова «главный сын законной супруги». Матушка крепче обняла меня, похлопала по спине и сказала:

— Твой старший брат, наследный принц, хоть и несколько прямолинеен, в целом хорош. И к тебе он относится хорошо.

Я не ответила, лишь крепко обняла мать, словно она была моей самой надёжной опорой. Я уже давно не размышляла о том, является ли мать той самой императрицей из истории, но в этот момент я от всей души пожелала, чтобы она ею была. Конечно, я не хотела, чтобы Ли Шэн был отравлен ею, но в глубине своего мелочного сердца я также вовсе не желала, чтобы будущим императором Великой Тан стал именно он. Ведь я уже на собственной шкуре ощутила огромную разницу между положением дочери императора и его сестры. А в сердце Ли Шэна, пожалуй, было слишком много вещей, более важных, чем мать, Ли Жуй и я.

Возможно, желая меня утешить, в тот вечер мать снова взяла меня с собой ночевать в Чертог Цзычэнь и разрешила лечь рядом с собой. Раньше мы часто так делали, но лишь сегодня я наконец осознала давно упущенный из виду вопрос: а где же отец?

Эта мысль сводила меня с ума. Я тут же натянула туфли и встала, чтобы найти матушку.

Та уже совершила вечерний туалет и, накинув верхнюю одежду, сидела во внешнем покое и что-то читала. Свет лампы смешивался с цветом ткани, и лишь подойдя ближе, я разглядела, что на ней наброшен отцовский халат охристого цвета.

В руках у неё был не доклад, а книга. Услышав моё приближение, она отложила чтение и, улыбнувшись, сказала:

— Сыцзы, этот человек пишет превосходно, тебе тоже стоит почитать.

По её тону я решила, что это какая-нибудь обычная книга, вроде сборника рассуждений о современности. Я без особого интереса протянула руку, открыла её и увидела название — «Хань-цзы». Было видно, что книгу часто читали: страницы пообтёрлись, а во многих местах виднелись следы от ногтей. Однако, хотя её и перелистывали столько раз, на полях не было ни комментариев, ни пометок, даже обведённых иероглифов. Читавший явно не желал оставлять на страницах следов своих размышлений. Я на мгновение задумалась и вспомнила, что это и есть та самая книга, которую потомки назовут «Хань Фэй-цзы», и что Хань Фэй был знаменитым мыслителем времён Сражающихся царств, чьё имя ставили в один ряд с Конфуцием и Мэн-цзы. Я тут же выпрямилась, преисполненная благоговения, и, почтительно взяв книгу обеими руками, подала её матери:

— Раз матушка говорит, я завтра же распоряжусь принести себе экземпляр.

Мать с улыбкой вернула книгу мне:

— Зачем ждать до завтра? Почитай сегодня. Я как раз устала, почитай мне вслух. — Она указала на нужный отрывок, сама поднялась и, заложив руки за спину, принялась неспешно прогуливаться по залу. Я увидела, что в тексте уже были расставлены знаки препинания, что облегчало задачу. Выпрямившись, я громко и внятно начала читать:

— Пан Цзин был уездным начальником. Он отправил торговца по делам, но затем вызвал обратного чиновника и, продержав его некоторое время, ничего не приказав, в конце концов снова отослал. Торговец решил, что начальник и чиновник что-то замышляют, и перестал им доверять, что позволило предотвратить мошенничество.

Закончив, я посмотрела на мать, и та спросила:

— Понимаешь?

У меня в голове уже зародились кое-какие мысли, но, вспомнив, как матушка ранее отзывалась

о Вэй Хуань, я решила не выставлять себя слишком сообразительной и покачала головой:

— Нет.

Мать усмехнулась и громко позвала:

— Ваньэр, объясни Сыцзы.

Придворные дамы рядом с матушкой, за исключением самых приближённых, дежурили посменно, и сейчас как раз было не время дежурства для Ваньэр, занимавшей должность цайжэнь. Её присутствие меня удивило, но, вспомнив, что мать читала, я всё поняла: хоть все служанки при матери и проходили обучение во Внутренней школе, их знания были довольно поверхностными, а такие, как Ваньэр, с её широкой эрудицией и цепкой памятью, встречались редко, как фениксы. Естественно, мать оставляла её при себе во время чтения или разбора докладов. Вот только из-за этого я снова оказывалась в её тени.

Услышав своё имя, Ваньэр вошла из внешних покоев и сначала почтительно поклонилась матери, а затем мне. Мать, указывая на меня, улыбнулась:

— Я велела тебе учить её, значит, отныне она твоя ученица. Кланяться ей больше не нужно.

Ваньэр склонилась:

— У принцессы есть свои наставники для учёбы. Я же лишь готова давать советы в свободное время и не смею равняться с министрами Вэй и Сюй.

Мать рассмеялась:

— Не скромничай. Ты просто молода и неопытна. Со временем ты ничуть не уступишь Вэй Шулиню. Жаль, что ты не мужчина, а то я бы попросила у Его Величества для тебя поста заместителя главы Западной канцелярии или начальника Императорской библиотеки.

Ваньэр от этих слов побледнела как полотно и тут же склонилась в почтительном поклоне, коснувшись лбом пола:

— Я, потомок осуждённого чиновника, ничтожное создание, удостоилась чести служить Тяньхоу и Его Величеству — это уже величайшее счастье, выпавшее на долю многих поколений. Не смею принимать столь высокие похвалы.

Увидев, как обычно невозмутимая Ваньэр побледнела от одной лишь фразы матери, я внутренне изумилась. Подумалось, что эта прославленная в истории учёная женщина наверняка куда способнее меня, и её внезапная перемена в лице наверняка имела вескую причину. Так и оказалось: вслед за тем я услышала, как мать со смешком произнесла:

— О, так ты знаешь, что ты потомок Шангуань И? А я-то думала, ты, попав во дворец в детстве, уже давно забыла о делах своих деда и отца.

Голос матери звучал так же мирно и благодушно, как и прежде, без тени недовольства, однако Ваньэр задрожала ещё сильнее. На мгновение во мне шевельнулось злорадство, но, увидев, как она поднимает голову, обнажая бледное, хрупкое лицо, явно напуганное, но силящееся сохранить самообладание, я вдруг вспомнила, что ей всего тринадцать лет. А ещё я подумала о том, как утром сама пряталась за тронем, подслушивая, как те люди решают, не выдать ли меня замуж в династическом браке. И весь интерес к происходящему тут же угас. В конце

концов, между нами не было вражды, мы обе были всего лишь маленькими несчастными созданиями в этих дворцовых стенах, с той лишь разницей, что тех, в чьей власти была моя жизнь, было чуть меньше, чем тех, кто распоряжался её судьбой.

Те упаднические слова, что я наговорила матери под вечер, наполовину были сказаны сгоряча, но наполовину — от души. Подумав так, я поняла, что Ваньэр была ещё более жалкой, чем я. По крайней мере, у меня были роскошные одежды и яства, и статус принцессы, а у неё не было ровным счётом ничего. Талант и дарования для богатых и знатных могут быть благом, но для таких, как она, в бедственном положении, они лишь подчёркивали трагичность её участи.

Я сжала губы и, нарочито по-детски, заковыляла на коленях к матери, уселась рядом по-турецки, ухватилась за полу её одеяния и сказала:

— Если матушка собирается отчитывать цайжэнь Шангуань, можно мне удалиться? Матушка только что назвала её моей наставницей, а ругать учителя в присутствии ученика нехорошо.

Мать на мгновение замерла, а затем рассмеялась. Она тоже села по-турецки, гордо подняла подбородок и сказала Ваньэр:

— Ладно, я позвала тебя, чтобы ты объяснила отрывок. Сделай это и можешь идти.

Ваньэр склонилась в поклоне, поднялась с колен и уже собралась заговорить, как мать добавила:

— Раз ты учитель Сыцзы, негоже, чтобы ученица сидела, а ты стояла. Садись.

<http://bllate.org/book/16278/1465973>